

Т. А. Кузнецова

Представления русских об «инородческом» населении Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам сибирских периодических изданий Русского географического общества)

К середине XIX в. Российская империя уже более двух веков владела зауральской территорией, но, тем не менее, о коренных народах Сибири было мало известно как в Европейской части России, так и в самом азиатском регионе. Наличие доминирующего этноса – русских – начинало создавать угрозу для дальнейшего изучения «инородцев» тем, что «запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем в следствии распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их»¹. Во второй половине XIX в. в обществе появляется интерес к изучению прошлого и настоящего народов России и создается большое количество объединений, занимающихся исследованиями империи в «отношении этнографическом, географическом и статистическом». Наиболее известным и авторитетным из них было Русское географическое общество, созданное в 1845 г. в Санкт-Петербурге. Его члены занимались в том числе и исследованием «инородческого» населения, как для административных нужд, так и для научных целей.

На протяжении всего времени владения Сибирью складывались определенные стереотипы и представления об «инородческом» населении как о «диких и отсталых народах» зауральской территории, авторами которых были не только русские переселенцы, но и путешественники, исследователи края.

Цель данной статьи – выяснить по этнографическим статьям, опубликованных в журналах РГО, представления об «инородцах» у русской интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX вв. К русским интеллектуалам, безусловно, можно отнести и членов РГО, получивших высшее образование и занимавшихся исследовательской деятельностью на территории Сибирского региона.

При изучении данной проблемы целесообразно обратиться к концепции «ориентализма» Э. Саида. Основная идея Саида состоит в том, что европейские колонизаторы, сталкиваясь с Востоком, конструируют осо-

Кузнецова Татьяна Анатольевна, аспирант Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ).

Эл. почта: kta_06@list.ru

¹ Бер К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки ИРГО, 1846. Кн. 1. С. 94.

© Т. А. Кузнецова, 2007

бый, дискриминационный дискурс, в котором образ Востока представляется как противоположность Западу (своего «Другого») ¹.

В качестве источников наиболее привлекательны периодические издания сибирских отделов Русского географического общества. Во-первых, они еще не использовались для изучения восприятия русскими аборигенного населения региона. Во-вторых, несомненным достоинством этих изданий является «этнографическая» компетентность авторов, что объяснялось биографической связью исследователя с азиатским регионом: авторы подавляющего большинства статей являлись либо уроженцами Сибири, либо пребывали длительное время на службе в Азиатской России, то есть непосредственно наблюдали за жизнью «инородцев».

Во второй половине XIX в. сложились благоприятные условия для развития этнографических исследований: появилась заинтересованность в этих изысканиях у властей (для создания более подходящей системы управления «инородцами», не противоречащей нравам и обычаям коренного населения Сибири), открывались научные общества не только в столицах, но и на окраинах империи, у ученых появилось возмужание публикаций отчетов экспедиций и исследований в журналах.

Количественный анализ сибирских изданий РГО свидетельствует о постоянном интересе к культуре и образу жизни аборигенного населения Азиатской части империи. Одним из основных мотивов изучения «инородцев» было стремление развенчать, бытовавшие в общественном мнении «ложные представления» и «суеверия» в отношении коренных народов края.

Содержательный анализ статей, посвященных этнографии сибирских аборигенов позволяет выявить две основные доминанты в представлениях членов РГО: 1) «инородцы» как носители «другой» культуры, не понятной и неизученной; 2) «жертвы» российской колонизации.

Опираясь на исследования предшественников и на представления русского населения – соседей «инородцев», сибирский этнограф М. Ф. Кривошапкин пытается объяснить изменения образа жизни коренных жителей Сибирского региона. Как врача его в первую очередь интересуют состояние гигиены быта и болезни «инородцев». Исследователь связывает некоторые улучшения в быту с влиянием русских и христианства, но сразу же поясняет, что, несмотря на все уверения русских туземцев о повсеместном принятии православия, «инородцы» – плохие христиане: внутренний смысл православия им не доступен, а наружная, обрядовая сторона плохо соблюдается ². Однако суждения автора внутренне противоречивы: опровергая мнение горожан Енисейска о бесчеловечном обращении остяков с больными, этнограф являлся свидетелем обратного (не только больного не покидали, «но даже по несколько семейств... сидят

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

² Кривошапкин М. Ф. Об остяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа // Записки Сибирского отдела ИРГО. 1863. Кн. 6. С. 46.

над ним и не ходят на промысел»), исследователь объясняет столь гуманное отношение сильным влиянием христианского учения¹.

Многие исследователи подчеркивают положительные черты характера туземцев, «свойственные всем диким народам»: сострадание, гостеприимство, кротость и миролюбие, объясняемые «постоянным сношением с природой», которое «сохраняет в чем-то первобытную наивно-детскую доброту сердца»². Суровость жизненных условий дает им понятие о том, что они «поставлены в зависимость от дружеских между собой отношений, и поэтому они имеют удивительную, для нас, европейцев, высокую нравственность»³. «Живя среди природы дикой и пустынной, они не могут подвергнуться порче мира»⁴. Но и те немногие добродетели кочевников, «при сношении с торговцами, начинают терять свою прелесть, уступая по необходимости место притворству, скрытности и под час желанию обмануть противную сторону»⁵.

Для иллюстрации процесса изменения характера инородцев под влиянием русского населения, Кривошапкин приводит мнения русского крестьянина, уроженца Енисейского округа: «Нам прежде куды как хорошо бывало!...Известно вина нет, хмелю то же, как быть? А с трезвым не столкуешься – беда, как собачий сын торгуется! А как задаешь ему пивца...так и денег не просит: куды как на хмель падок!- А теперь не так-то скоро надуешь остяка, потому что *понаруссели*. Да еще, что же теперь: ежели даешь ему в дом что из одежды, обуви или муки, то тово и гляди, что надует; а ежели прошел год тому долгу, то уже не смей и спросить, а то ответит: «что ты, какой чистой дурак, кислый долг спрашиваешь!». Кислый по ихнему, что по нашему пропащий долг»⁶.

В статье представлены последствия для русских их собственного влияния на аборигенное население: «Оно все бы ничего, да то беда, что на пиво то плохо подаются ныне. Когда станут на пиво белок менять, дашь ему ведро пива, а он и дает только две белки, да еще за малое ведро делает выговор: «твоя ведра мала, ну, мачка твоя ведра, давай больше, а то ведра мала». Да с ними много и не разговоришься ныне, потому что все стали люди *подказенные, должники* вишь по хлебным-то запасам...»⁷.

«Иноходец» для русского человека часто являлся возможностью для собственного обогащения, что замечают в своих записках, отчетах члены

¹ Там же. С. 63.

² *Экспедиция* Императорской Академии Наук 1893 на Ново-Сибирские о-ва и побережье Ледовитого океана. Сообщение барона Э.В. Толя // Известия ИРГО. 1894. Т. 30. С. 450.

³ Там же. С. 451.

⁴ *Свербеев Н.* Сибирские письма // Вестник ИРГО. 1853. Кн. 3. С. 108.

⁵ *Приклонский В. Л.* Три года в Якутской области (этнографический очерк) // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 80.

⁶ Кривошапкин М. Ф. Указ. соч. С. 55.

⁷ Там же. С. 57.

РГО: «При столкновении с инородцем в торговца преобразается даже простодушный крестьянин...мы заметили во всех слоях русских одинаковое стремление к наживе за счет инородца»¹, «изобидеть инородца, остяка или самоеда, сургутянин считает таким простым и естественным делом, о котором и разговаривать не стоит. Для него инородец существо низкое,...им все гнушаются, считая его поганым»².

В статье этнографа И. Я. Неклепаева, который провел шесть лет в «мрачном и глухом» Сургуте, описываются суеверия и предрассудки жителей города относительно остяков: «Первый, главнейший и наиболее упорный, предрассудок сургутян относительно остяков выражается словами: «остяк-собака»... С этого пункта нельзя сбить сургутянина. Они охотно признают за остяками все их хорошие качества: честность, гостеприимство, услужливость, прекрасно умеют пользоваться ими; иной раз не прочь даже, при сравнении с русскими, отдать предпочтение остяку, в смысле его большей правдивости и честности и например, свободно положатся на остяка в том, чего не всегда доверяют русскому; но и за всем тем, раз дело касается общей характеристики остяков, она неизменно выражается у сургутян формулой: остяк-собака. Эта характеристика, впрочем, относиться не к одним остякам, а ко всем прочим, заезжающим сюда инородцам: самоедам, тунгусам, татарам»³. Объяснение такому отношению И. Я. Неклепаев видит во-первых, в религиозных различиях между народами, а во-вторых, в непросвещенности и крайней изолированности самих русских, «этого темного люда, заброшенного в один из глухих уголков Западной Сибири»⁴.

Итак, при всех попытках членов РГО развеять предубеждения об «инородце» среди русского населения и уйти от явных «суеверий», сами авторы не далеки от ориенталистских установок, в основе которых лежало восприятие автором «инородца» как «дикаря», но не лишенный некоторых положительных черт, свойственный всем «примитивным» народам.

Много внимания исследователи географического общества уделяли вопросу влияния на сибирских «дикарей» пришлого русского населения, как положительным, так и негативным сторонам. Если в первом случае превозносится цивилизационное влияние колонизаторов, то во втором, описываются все отрицательные заимствования, которые могут служить угрозой для дальнейшего существования инородческих племен в Сибири, что не типично для ориенталистских представлений.

Одна из сторон влияния русских на коренное население Сибири – асимилиция – постепенное «обрусение» инородцев. Актуальность этого

¹ Ядринцев Н. М. Отчет о поездке по поручению ЗСОИРГО в горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня // Записки ЗСОИРГО, 1882. Кн. 4. С. 43-44.

² Швецов С. Очерк Сургутского края // Записки ЗСОИРГО, 1888. Кн. 10. С. 80.

³ Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки ЗСОИРГО. 1903. Кн. 30. С. 68.

⁴ ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 40. Л. 77.

вопроса подтверждается часто встречающимися репликами авторов статей: «они быстро усваивают русскую цивилизацию», «мы видим у них распространившимися русские произведения, жилища, железо, многие перешли к оседлому образу жизни», но это происходит само собой «в силу естественного заимствования»¹, «племена из-за...связи с русскими, более или менее потеряли свой национальный характер»².

Присутствие русских в Сибири послужило причиной постепенного вытеснения туземцев с их «лучших охотничьих угодий»³, за последующим упадком благосостояния зауральских «детей природы» начали посещать голод и эпидемии. Привлечь внимание к проблеме вымирания и предложить возможные варианты ее решения пытались многие исследователи, так, например, известный публицист Н. М. Ядринцев пишет, что «улучшение положения будет зависеть от развития и просвещения окружающего его русского населения в Сибири»⁴.

Взаимодействие двух культур – процесс двусторонний, поэтому вопрос о влиянии «инородческой» культуры на русских так же часто поднимался Русским географическим обществом в периодических изданиях. «Обынородчивание» не было повсеместным явлением – в основном «превращение» в «туземца» происходило в северных районах, где процентное соотношение русского и коренного населения было в пользу последнего. Порой процесс заимствования русскими из более низкой культуры объяснялся необходимостью выживания, так как «инородцы» были более адаптированными к суровым условиям Сибири.

Н. М. Ядринцев упоминает в числе основных проблем Сибирского региона «слитие и скрещивание с инородцами, которое отражается на русских жителях изменением типа и восприятием инородческих привычек»⁵. Описывая Нижнеколымский край, священник-миссионер А. Аргентов, указывает на то, что «русское племя превратилось в кочевое племя», «русский человек стал похож на юкагира, по способам пропитания и по образу жизни»⁶. Автор пытается понять причины «этой культурной ретроградности», и выделяет основные – неблагоприятные условия среды и «необеспеченность народного продовольствия»: «достаточно...двух лет пребывания в этом крае, чтобы превратиться в кочевника, и пятнадцать лет достаточно для того, чтобы объюкагириться и вовсе одичать»⁷.

¹ Ядринцев Н. Об алтайцах и черневых татарах // Известия ИРГО, 1881. Т. 21. С. 252.

² Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник ИРГО, 1855. Ч. 14. С. 63.

³ Действия Общества. Заседание Отдела этнографии 13-го января 1882 по поводу доклада Н. М. Ядринцева // Известия ИРГО, 1882. Т. 18. С. 76-77.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Ядринцев Н. Об алтайцах и черневых татарах // Известия ИРГО. 1881. Т. 21. С. 230.

⁶ Аргентов А. Нижнеколымский край // Известия ИРГО. 1879. Т. 15. С. 438-439.

⁷ Там же. С. 441.

Исследователь Якутского края князь Н. А. Костров отмечает, что якуты не воспринимают традиции русского населения, напротив, язык и обычаи якутов во многих местностях области, сделались всецело достоянием русского населения. Даже в самом Якутске «старушки нередко толкуют между собой по-якутски». В городе язык этот господствует, нет ни одного жителя, который не знал бы по-якутски: «да и не удивительно: в доме нянька – якутка, кухарка – якутка, работник, кучер – все якуты. Дитя, с появлением чувства слуха, поражается звуками якутского языка; поступая в исправление обязанностей гражданина, имеет дело по большей части с якутами. Здешний житель, от обращения с ними, нечувствительно перенимает все их обычаи и лучше говорит по-якутски, нежели по-русски. Простой народ одевается совершенно по-якутски, особенно зимою»¹.

Такая же ситуация наблюдается в Обдорске, где русское население свободно изъясняется по-остяцки и по-самоедски, что объясняется постоянными взаимоотношениями с инородческим населением. В. В. Бартенев отмечает в своей статье, что многие русские говорят по-остяцки и по-самоедски почти без всякого русского акцента, и наоборот по-русски выражаются с акцентом «инородца». Автора удивляет то, что процесс обыворочивания в Обдорске замкнулся только на заимствовании языка русским населением, а ассимиляции городского русского населения и «диких» инородцев не происходит. И «лишь в последнее время становятся чаще браки с зырянами; но это не оказывает влияние на языке, так как скорее зыряне перенимают русский язык, чем наоборот. Что же касается до браков русских с остяками и самоедами, то в Обдорске это явление крайне редкое, почти исключительное...»². Таким образом, население Обдорска представляет довольно чистый великорусский тип, что нельзя сказать о других поселениях крайнего севера³.

Деградацию культуры русского населения в Сибири пытается объяснить этнограф В. И. Йохельсон; он отмечает, что завоеватели области не были лучшими представителями русской цивилизации, а их потомки «представляют собой печальное явление понижения типа этой культуры». Они не только утратили полностью свое культурное превосходство, «столь свойственное всем европейским колонистам среди низших рас», но и потеряли способность к движению вперед, уступив в этом якутам. В качестве примеров, он приводит крестьян Приленских, Агинского и других селений, «которые изменили своему родному языку, переняли нравы, обычаи и суеверия якутов, забыли ремесла, а кое-где обратились в полукочевых скотоводов»⁴. Изменился в том числе их физический облик, бла-

¹ Костров Н. А. Очерки юридического быта якутов // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1878. Т. 8. С. 298-299.

² Бартенев В. О русском языке в Обдорском крае // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 126-127.

³ Там же. С. 127-128.

⁴ Йохельсон Вл. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. 1895. Вып. 2. С. 128.

годаря смешению с инородцами, крестьяне не напоминают собой русских – до того форма головы, склад лица и другие физические признаки выдаю-ют их за инородцев. Что же касается до домашней обстановки, пищи и других условий жизни русских вне города, она ничем почти не отлича-ется от условий жизни якутов¹.

Хотя автор и делает попытки оправдать потомков русских «пионеров», приведя несколько причин такого кардинального изменения физического типа колонизаторов. Во-первых, это «физический и моральный кризис» из-за резкого изменения условий жизни, во-вторых, недостаток русских женщин, «вследствие чего редко можно встретить коренного русского, в жилах которого не текла бы якутская или иная инородческая кровь»², а в-третьих, «воздействие громадной массы живучих, хитрых и прыньрли-вых якутов на маленькую и податливую кучку русских»³.

За последние десятилетия XIX в. процесс «обынородчивания» в Якут-ском крае сократился, как упоминает в статье Вл. Йохельсон, благодаря некоторому вмешательству административного центра, «куда все-таки приливают из вне и где зарождаются внутри просветительские элемен-ты... распространяющие некоторый свет в глубь улусов»⁴.

В заключении можно сделать вывод о том, что этнографические ис-следования, опубликованные в журналах Русского географического обще-ства, позволяют выявить не только научные характеристики (антрополо-гические данные и т.д.) аборигенных народов восточных имперских окра-ин, но и авторскую позицию по отношению к сибирским «детям природы». Исследователи стремились развенчать «суеверия» русских обывателей Сибири о своем иноэтничном окружении, но, не смотря на все «опровержения» стереотипов, статьи не выходили за рамки господ-ствующей в этнографии в середине XIX в. эволюционной теории, в рамках которой «инородцы» воспринимались как дикари, находящиеся на низшей ступени своего развития. Очевиден и социальный пафос рассмотренных статей – привлечь внимание сибирской «образованной публики» к про-блемам «инородческого» населения региона.

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 130.